

УДК 861.161.1"15"

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-7-14

Л. И. Журова

*Институт истории СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

zhurova@ngs.ru

**«ТОТ, КТО БЫЛ ЭЛЛАДЦЕМ, СЕГОДНЯ СТАЛ ГИПЕРБОРЕЙЦЕМ...»
К 500-ЛЕТИЮ ПРИБЫТИЯ МАКСИМА ГРЕКА В РОССИЮ**

Описан один из этапов становления русской средневековой публицистики на основе изучения творчества Максима Грека. Цель – представить Максима Грека как первого русского публициста. XVI век в России – это период, когда литература и действительность в истории искусства слова составили прочный союз. Дух сомнений, поиски ответов, полемика, суды, церковные соборы, борьба за власть стали яркими приметам времени. Творчество Максима Грека, прибывшего в Москву в марте 1518 г. с Афона, сформировалось в контексте трех культур: итальянского Ренессанса, византийского православия и русской действительности. В России состоялось его творчество, им было создано около 150 сочинений по актуальным вопросам общественной жизни Московской Руси. В настоящем исследовании обращено внимание на выражение авторской деятельностной позиции писателя. Высокое самосознание, достойная самооценка, забота о восприятии своих трудов, представление своего слова как непобедимого оружия в полемике с иноверцами, активная работа инока, находящегося в заточении, по формированию общественного мнения по целому ряду животрепещущих вопросов в идеологии и нравственном богословии выделяют Максима Грека среди писателей своего времени и выдвигают его в первый ряд русских публицистов. Авторские кодексы Максима Грека, рассчитанные на русского читателя, удостоверяют, что ученый монах осознавал себя писателем невольного обретенного православного отечества, где не только по царской воле, но по Божьему Промыслу ему была уготована драматическая судьба, предопределившая бессмертие.

Ключевые слова: Максим Грек, публицистика, авторское самосознание, итальянский Ренессанс, Ватопед, полемика, рукописное наследие, культура слова.

Расцвет русской средневековой публицистики приходится на XVI в. Он был вызван «брожением умов», порожденным целым рядом разных событий: ожиданием конца света в 1492 г., московско-новгородской ересью, которую Д. С. Лихачев называл реформационно-гуманистическим движением, дискуссией стяжателей и нестяжателей о вотчиновладении монастырей, несостоявшимся всемирным потопом 1524 г., вопросом о втором браке великого князя Василия III, полемикой с латинянами по вопросам *filioque*, предсказательной астрологии, соединения православной и католической Церквей (унии), борьбой за власть как внутри великокняжеского дома, так и боярства, вопросами симфонии (согласия) светской и церковной властей, в конце концов, – возвышением Москвы и становлением русского самодержавия. Иосиф Волоцкий в одном из своих посланий писал: «...нынче и в домах, и на дорогах, и на торжищах иноки и мирские, все сомневаются» [Послания..., 1959, с. 170]. Литература и действительность в очередной раз в истории искусства слова составили прочный союз. Дух сомнений, поиски ответов, споры, суды и церковные соборы стали яркими приметам времени. Слово было признано главным орудием идеологической борьбы. Д. М. Буланин точно подметил, что кульминационного момента в своей популярности жанр

Журова Л. И. «Тот, кто был элладцем, сегодня стал гиперборейцем...» К 500-летию прибытия Максима Грека в Россию // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 6: Журналистика. С. 7–14.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Том 17, № 6: Журналистика

© Л. И. Журова, 2018

посланий достигает в момент, «когда за перо берется сам царь – Иван Грозный, чтобы в жанре открытого письма обосновать свои политические убеждения» [Буланин, 1984. С. 3].

В марте 1518 г. в Москву прибыло посольство из Константинополя, в составе которого находились старцы Святой Горы Афон. Среди них – инок Ватопедского монастыря Максим (1470–1555), приглашенный митрополитом Варлаамом и великим Московским князем Василием Ивановичем для перевода с греческого на церковнославянский язык книг Священного Писания, хранившихся в великокняжеской библиотеке. Волею судеб он прожил на Руси долгую, трудную, но чрезвычайно плодотворную жизнь. Здесь он стал знаменитым переводчиком и писателем, в биографии которого еще много белых пятен. Монография Н. В. Сеницыной, крупным современным специалистом в науке о Максиме Греке, представляет собой жизнеописание Святогорца, построенное на результатах последних исследований его творчества. Так, московским ученым сделано важное открытие, а именно установлено, что Максим Грек, проведший в монастыре Святого Марка во Флоренции около года, с июня 1502 по апрель 1503 г., в качестве новicia (послушника), не принял постриг в католическом монастыре, не стал доминиканцем, как считал И. Денисов [Сеницына, 2008а. С. 76–82]. Б. М. Клосс предложил новую датировку смерти ватопедского монаха в Троице-Сергиевом монастыре – начало декабря 1557 г. [Клосс, 2015].

Американский византист И. Шевченко контурно изобразил причастность Максима Грека к четырем мирам: западному, греческому, молдавскому и миру Московского государства – и представил его как писателя и поэта греческой диаспоры итальянской культуры, признавая чисто географическую соотнесенность его творчества с Россией, и сочинения на церковнославянском языке определил как «славянское литературное одеяние Максима» [Шевченко, 2009. С. 478–480].

Уроженец города Арты, выходец из семьи образованных греков (отца, мать, дядю называли философами), Михаил Триволис (ставший в 1506 г. постриженником Ватопедского монастыря под именем Максим) в 1492–1506 гг. учился в Падуе, Милане, Флоренции, трудился в Болонье, Венеции, Ферраре, Мирандоле и др. городах Апеннинского полуострова. Он активно общался с членами греческой диаспоры, в первую очередь с Иоанном Ласкарисом, известным ученым и выдающейся личностью, служил секретарем у Джанфранческо Пико делла Мирандола, общался с поэтом и переводчиком Анджело Полициано, работал в типографии Альда Мануция в Венеции, слушал страстные проповеди Савонаролы и был очевидцем его казни. В Италии Михаил Триволис занимался переводами, переписывал рукописи, преподавал. Находясь в России, Максим Грек вспоминал флорентийских и венецианских учителей и друзей, но те не сохранили о нем каких-либо сведений, видимо, по причине его молодости. Четырнадцать лет, проведенные в Италии и Ломбардии, переживавших расцвет гуманистических идей, находившихся в противоборстве с Францией и в нем не выстоявших, оказали большое влияние на формирование личности и творческого потенциала молодого грека. В науке давно стоит вопрос об отношении Максима Грека к итальянскому гуманизму [Гудзий, 1911; Сеницына, 2008б], и исследователи признают его как человека, сохранившего отпечаток ренессансной культуры, так, Шевченко назвал его «человеком, запрограммированным Западом» [Шевченко, 2009. С. 482]. Но своей духовной родиной он считал Ватопед и неоднократно просил Ивана IV: «Отдай меня, благовернейший царь, честной обители Пресвятой Богородицы Ватопедской», «Подари мне, рабу твоему и богомольцу нищему, во Святую Гору взвращение... отпусти мене с миром отсюда», «да там положатся окаянные мои кости». Как писатель он сформировался в парадигме православной культуры, и в письме 1552 г. к некоему Макробию признался: «Тот, кто был элладцем, сегодня стал гиперборейцем» [Бушкович, 1993. С. 216]. Образ родился от осознания своего долгого и трудного жизненного пути. Согласно античным преданиям, на Крайнем Севере за Рифейскими горами, с которых дул холодный ветер, находится страна гипербореев. «Автобиографическая метафора “гипербореец из Эллады”», этот замешанный на горечи и гордости поэтический образ явится как данью красивой легенде и литературной традиции, так и осознанием своего полного парадоксов жизненного пути» [Сеницына, 1990. С. 215].

Следующее десятилетие своей жизни Максим провел на Афоне, став иноком Ватопедского монастыря (1506–1516 гг.). Об этом периоде науке известно очень мало, но первые поэтические опыты появились в этой обители: сохранились четыре эпитафии, эпиграмма и канон

Иоанну Крестителю, сочиненные монахом. Н. В. Синецина пишет, что в «богатейших книжных сокровищницах Ватопеда он обрел широкие возможности приобщения к христианским древностям, творениям святых отцов, в которых сохранялись и элементы античных достижений, столь ценимых гуманистами. А позже в России он посвятил себя делу возрождения на Руси святоотеческой традиции, в которой заключены духовные ценности христианства. Многие его сочинения сохраняют актуальность и сегодня» [Синецина, 2008а. С. 210].

В Московской Руси Максим Грек появился уже в зрелом возрасте, ему было около пятидесяти лет. Как публицист он состоялся именно в России. Его литературное наследие составляет около 150 сочинений разных жанров¹. Они порождены политическими, социальными, этическими проблемами, взволновавшими иноземца в новом отечестве.

В XVI в. большую роль в общественной жизни и книжной культуре Московской Руси играли Волоколамский монастырь [Дмитриева, 1991; Усачев, 2011; 2017], который стал местом его первого заточения, и Кирилло-Белозерский [Книжные центры..., 2008]. В них работали крупные книгописные мастерские, и выходцы из этих обителей сыграли важную роль в государственной и общественной жизни страны. К моменту прибытия Максима Грека большим авторитетом на Руси пользовалась «Книга на новгородских еретиков» («Просветитель») Иосифа Волоцкого, в составлении которой принимал участие Нил Сорский, но в сочинениях Максима Грека не обнаружено каких-либо признаков его знакомства с трудом русского писателя. Традиции творчества игумена Волоколамского монастыря были продолжены Даниилом, который занял в 1522 г. митрополичью кафедру и инициировал суды 1525 и 1531 гг. над Максимом Греком. И снова приходится констатировать тот факт, что в трудах ученого грека и Московского митрополита не обнаружено пересечений, схождений, диалога. Безусловно, Даниил знал некоторые сочинения афонского инока, пользовался его переводами Бесед Иоанна Златоуста, но не ответил, например, на послание святогорского монаха о примирении [Журова, 2008. С. 343–348; 2011. С. 136–145]. Максим Грек, находясь в 30–40-е гг. в заточении в стенах тверского Отроча монастыря, не ведал о главном труде митрополита – «Соборнике». Этот памятник отразил отдельную линию в развитии церковного проповеднического искусства – назидательство, наставления по вопросам нравственного богословия. Русская публицистика в первой половине XVI в. во многом определялась трудами волоколамских писателей, развивавших отечественную книжную традицию.

Максим Грек принес в Россию новую культуру слова, построенную на достижениях византийской литературы и освоении языка итальянского Возрождения. Русские читатели через текст Святогорца познакомились с именами античных философов и поэтов (Гомера, Плуларха, Гесиода, Аристотеля, Платона), узнали об открытии Америки и Индии, о египетских городах Менде и Мемфисе, а также о Гибралтаре, Мавзолее, Колоссе Родосском и др. И. Шевченко значение творчества ученого монаха видел в том, «что в его лице впервые за все время от Владимира Великого до Ивана Грозного восточнославянские книжники в течение почти сорока лет оказались потенциально связаны с представителем высокой византийской культуры, причем, надо добавить, в его случае – также и ренессансной. Жаль, что такая встреча произошла после падения самой Византии» [Шевченко, 2002. С. 484].

Неоценимый вклад Максима Грека состоит в том, что он внедрил на Руси опыт гуманистической филологии, практику критики текста, способствуя тем самым развитию рационалистической теории искусства слова, описанной в современной науке [Калугин, 1997; Матхаузерова, 1976]. С Афона Максим Грек привез не только греческие рукописи с творениями святых отцов, но и герменевтический подход к прочтению текста. К огромной заслуге средневекового писателя следует отнести его труды по возрождению и распространению патристики на Руси. Андрей Курбский вспоминал свой разговор с Максимом, в котором старец свидетельствовал, что книги учителей Церкви «в греческом языке все обретаются, и не только на славянский, но и на латинский язык не все еще переложены (не переведены)». Справедливости ради надо сказать, что интерес и стремление к распространению святоотеческих трудов наблюдаются в словах «Соборника» Даниила, в которых выписки из апостольских посланий, учительной литературы вынесены в отдельный раздел – «свидетельства», занимающий большой объем текста (до 90 %).

¹ В библиографическом труде А. И. Иванова Максиму Греку приписано 365 сочинений [Иванов, 1969].

Уникальность ученого инока в истории европейской и русской культуры конца XV – первой половины XVI в. Н. В. Синицына определила так: «...он владел языками трех составных частей тогдашнего христианского мира – языком греческого православия и античной культуры, языком латинского мира, церковнославянским языком (в его русском изводе). Речь идет не просто о языке как средстве повседневного общения, но о языках культур и проблемах переводимости, которые он решал блестяще в условиях своего времени» [2008а. С. 210].

Принимая эти высокие измерения творчества Максима Грека, следует отметить также, что большая заслуга Святогорца состоит не только в том, что он выступил как переводчик и просветитель, но и как учитель с активной авторской позицией, с высоким авторским самосознанием, с неподдельным интересом к результатам своих трудов, с заботой о восприятии своих сочинений. Он составил «избранное» собственных произведений: один авторский кодекс состоит из 47 глав (Иоасафовское собрание), другой из 73–74-х (Хлудовское собрание). Цель этого проекта Максим Грек определил в предисловии к своду: «...наставление всякое, направляющее читателя на путь добродетелей... чтобы исправлять свое житие». Он обращается к тому, кто размышляет о правде и справедливости, желает быть просвещенным; тот, пишет монах, пусть возьмет в руки «малое сие трудолюбие» (так он называет свою книгу), разогнет ее и «обрящет» много полезного для себя.

Максима Грека отличает высокая самооценка, что было не свойственно древнерусскому книжнику. Так, в «Сказании о соблюдении Символа веры» писатель, поставив себя в ряд с Иоанном Златоустом, Исидором Пилусидским, сделал примечательное признание: «Подобно этим святым и я, грешный богомолец, молю вас Иисусомъ Христом: прекратите новоявленные мудрования <...> И если послушаете это мое краткое наставление и перестанете смущать людей, то слава Богу, давшему мне грешному такую большую силу слова!» [Журова, 2011. С. 216–217]. Осознание своего таланта и независимая позиция представляют Максима Грека как личность ренессансной культуры.

Своими трудами, собранными в систематизированные своды, Максим Грек много лет отвечал «судиям моим». Ответы Собору содержатся в серии его сочинений: программном «Исповедании веры», двух «отвещательных» Словах об исправлении книг русских, двух Словах к начальствующим на земле [Преподобный Максим Грек, 2014. С. 51–58, 136–149, 247–271] и др. Эта тема хорошо разработана в исторических исследованиях жизни и творчества Максима Грека: «Автор с помощью сочинений, направленных против “ересей” и “отступлений”, доказывал чистоту своей собственной веры, отсутствие “еретического порока”. Именно в этом заключался первоначальный замысел собрания» [Преподобный Максим Грек, 2014. С. 20]. На протяжении всей своей жизни ученый монах в виде прямых обращений к власти или опосредованных высказываний различного формата (статья или сборник) защищался от хулителей и клеветников.

Последняя оправдательная речь была сочинена Максимом Греком в ожидании Собора 1548–1549 г., на который его собирались вызвать в качестве свидетеля: «Ответ вкратце к Святому собору о том, в чем оклеветан»². Текст составлен в виде заготовки, сохранился в единственном списке, содержит авторскую правку, но не включен в Иоасафовское и Хлудовское собрания. В нем Максим Грек подвел промежуточный итог творчеству. К своим заслугам в «Ответе» Святогорец отнес переводческие труды, в первую очередь перевод Толковой Псалтыри и иных книг, «наполненных духовной пищей». Отметил он свои «стязания» с Николаем Булевым («неким латиномудренным хульником»), полемические трактаты против иноверцев, защиту Богородицы от хулителей. Выделил он «и иные различные писания о добродетели и злобе, правде и неправде, о целомудрии и покаании, иноческой жизни, о нестяжании и вотчиновладении монастырей...». Список трудов Максима Грека обширен, но главное достоинство публициста состоит не в количестве его трудов, а в активной деятельной позиции писателя: обитая на периферии Московского государства (тверском Отроче монастыре), он находился в центре культурного процесса. Он горел желанием изменить ту или иную ситуацию, повлиять на умы своих читателей, свои письменные труды ценил как победный марш: *обличил и посрамил* Николая Немчина и всякое латинское зловерие, *ополчился* против магометан и языческого многобожия, доблестно *восстал* против еврейского

² РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 264. Л. 288 – 294 об.

зловерия, *изобличил* армянскую ересь, также *не промолчал* он против хулителей Богородицы³. Собственное обличительное слово он представил как оружие: «...и тем приготовил непобедимое оружие, им можно заградить уста скверных». Если Иосиф Волоцкий и митрополит Даниил замысел своих сочинений определяли как некую заготовку, помощь в «стязаниях», то Максим Грек свою позицию обозначил как воинствующую по отношению к еретикам и иноверцам. В этом принципиальная разница между двумя школами писателей. В конце своего творческого пути Святогорец обращался к Ивану IV: «И придя сюда (на Русь. – Л. Ж.), непраздным и небездельным представился вашему благочестию». Именно «философия поступка», если использовать язык М. М. Бахтина, выделяет Максима Грека из ряда писателей XVI в. Если до этого времени мы говорим о публицистичности в древнерусской литературе, то с приходом ученого грека можно утверждать становление публицистики как самостоятельного вида литературного творчества и считать Максима Грека первым публицистом в России.

Его наследие сегодня представлено академическим изданием⁴. Десять лет назад вышел первый том сочинений, подготовленный под редакцией автора «Проекта издания сочинений Максима Грека» Н. В. Сеницыной [1993–1994]. В него вошли ранние сочинения церковного писателя [Преподобный Максим Грек, 2008]. В 2014 г. опубликован второй том трудов Святогорца, в котором полно представлен один из важных авторских кодексов – Иоасафовское собрание [Преподобный Максим Грек, 2014]. На очереди подготовка издания третьего тома рукописного наследия публициста. В его состав должны войти сочинения Хлудовского и Румянцевского собраний. Впервые проведенное текстологическое исследование прижизненных кодексов писателя позволило установить эволюцию собраний писателя: тексты Румянцевского сборника, как правило, сохранили первоначальные авторские варианты сочинений, и вместе с Иоасафовским собранием они восходят к общему протографу; отношения Румянцевского сборника и Хлудовского собрания вполне независимы, эти своды имели самостоятельные архетипы [Журова, 2008. С. 205–483].

Авторские кодексы Максима Грека, рассчитанные на русского читателя, удостоверяют осознание себя писателем невольно обретенного отечества, где не только по царской воле, но по Божьему Промыслу ему была уготована драматическая судьба, предопределившая бессмертие.

Список литературы

Гудзий Н. К. Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения // Киевские университетские известия. 1911. № 7. С. 7–17.

Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984.

Бушкович П. Максим Грек – поэт-«гипербореец» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 215–228.

Дмитриева Р. П. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 3–23.

Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции: В 2 ч. Новосибирск, 2008. Ч. 1; 2011. Ч. 2.

Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969.

Калугин В. В. Теория текста в русской литературе XVI в. // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 611–616.

Клосс Б. М. О дате смерти Максима Грека // Россия и христианский Восток. М., 2015. С. 136–139.

Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. 496 с.

³ Сочинения на эти темы опубликованы: [Преподобный Максим Грек. Т. 1. С. 171–242; Т. 2. С. 71–135, 338–339].

⁴ До сих пор в ходу знаменитое издание XIX в. Казанской духовной академии: Сочинения преп. Максима Грека. Казань, 1859–1861. Т. 1–3.

- Матхаузерева С.* Две теории текста в русской литературе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 271–284.
- Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. А. А. Зимин, Я. С. Лурье. М.; Л., 1959.
- Преподобный Максим Грек.* Соч. М., 2008. Т. 1.
- Преподобный Максим Грек.* Соч. / Отв. ред. Н. В. Сеницына. М., 2014. Т. 2.
- Сеницына Н. В.* Гипербореец из Эллады, или Одиссея Максима Грека // Прометей. 1990. Т. 16. С. 214–236.
- Сеницына Н. В.* Проект издания сочинений Максима Грека // *Cyrrillomethodianum XVII–XVIII. Thessalonique*, 1993–1994. С. 93–141.
- Сеницына Н. В.* Максим Грек. М., 2008а.
- Сеницына Н. В.* Обрушился ли преп. Максим Грек в Москве на итальянский гуманизм? // Сборник, посвященный памяти Л. В. Черепнина. М., 2008б. С. 15–34.
- Усачев А. С.* Когда закончилась «волоколамская гегемония» в Русской Церкви XVI в.? // Исторические записки. М., 2011. С. 151–169.
- Усачев А. С.* Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской Церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. С. 97–113.
- Шевченко И.* Четыре мира и две загадки Максима Грека // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова. М., 2009. С. 477–488.

Материал поступил в редколлегию 20.02.2018

L. I. Zhurova

*Institute of History SB RAS
8 Nikolayev Str., Novosibirsk, 63090, Russian Federation*

zhurova@ngs.ru

**«THE ONE WHO WAS HELLADIC TODAY BECOMES A HYPERBOREAN...»
TO THE 500TH ANNIVERSARY OF THE ARRIVAL OF MAXIMUS THE GREEK
TO RUSSIA**

In this article the author describes one of the formative stages of Russian medieval publicism on the basis of works written by Maximus the Greek. The aim is to represent Maximus the Greek as the first Russian publicist. In Russian culture XVI century was a period when literature and reality in the art of writing history made a strong alliance. The air of hesitation, searching for the answers, polemics, courts, church councils, and a race for power are the outstanding characteristics of that time. The works of Maximus the Greek who arrived to Moscow from Afon in March, 1518, were formed in the context of three cultures: Italian Renaissance, Byzantine Orthodoxy and Russian reality. His life in Italy was connected both to the prominent representatives of humanitarian culture and Dominican priest Savonarola, and it provided for his artistic potential. Studying patristics in Vatopedi monastery formed the basis of his writing practice, there he took the monastic vows and spent ten years, during which he wrote several early essays. In Russia his creative work succeeded, Maximus the Greek created about 150 essays of different genres on topical questions of social and cultural life in Muscovia. Maximus the Greek brought to Russia a new culture of word based on the achievements of Byzantine literature tradition and capture of Italian Renaissance language. The inestimable contribution of Maximus the Greek is that he introduced the experience of humanitarian philology and text criticism practice in Rus, thus providing the development of art of word rational theory. Main achievements of the medieval writer include his work on restoration and promotion of patristics in Rus, his translation and education works, and big various manuscript heritage. In this research the author points out the expression of writer's pragmatist position. High self-awareness, dignified self-esteem, concern about the impression from his works, representation of his words as an invincible weapon in polemics with unorthodox, which becomes his heritage, active work of a confined monk on social opinion formation concerning several topical questions in ideology and moral theology make Maximus the Greek an outstanding author among the church writers of that time.

The establishment of publicism as an independent kind of literary creation in Russia happened due to the influence of Maximus the Greek. He should be accepted as the first publicist in Russia, which a bit eliminates his role of a preacher. Author's codices for Russian readers written by Maximus the Greek assure us that the learned monk recognized himself as a writer of unwillingly obtained Orthodox motherland where both tsar's will and Divine Providence prepared for him a dramatic fate that predestined the immortality.

Keywords: Maximus the Greek, publicism, author's self-consciousness, Italian Renaissance, Vatopedi, polemics, manuscript heritage, culture of word

References

Bulanin D. M. *Perevody i poslaniya Maksima Greka* [Translations and Messages of Maximus the Greek]. Leningrad, 1984, p. 278. (in Russ.)

Bushkovich P. Maksim Grek – poet-«giperboreets» [Maximus the Greek – poet-«Hyperborean»] // *TODRL*. St. Petersburg, 1993, vol. 47, p. 215–228. (in Russ.)

Dmitrieva R. P. Iosifo-Volokolamskiy monastyr' kak tsentr knizhnosti [Joseph-Volokolamsk Monastery as a Book-learning Center]. *Book-learning Centers of Ancient Rus. Iosifo-Volokolamskiy monastyr' kak tsentr knizhnosti* [Joseph-Volokolamsk Monastery as a Book-learning Center]. Leningrad, 1991, p. 3–23. (in Russ.)

Gudziy N. K. Maksim Grek i ego otnoshenie k epohe ital'yanskogo Vozrozhdeniya [Maximus the Greek and His Attitude Towards the Epoch of Italian Renaissance]. *Kiev Universities Proceedings*, 1911, no.7, p. 7–17. (in Russ.)

Ivanov A. I. *Literaturnoe nasledie Maksima Greka. Harakteristika, atributsiya, bibliografiya* [Literary Heritage of Maximus the Greek. Characteristics, Attribution, Bibliography]. Leningrad, 1969, 248 p. (in Russ.)

Kalugin V. V. *Teoriya teksta v russkoy literature XVI v.* [Theory of Text in Russian Literature of XVIc.]. *TODRL*. St. Petersburg, 1997, vol. 50, p. 611–616. (in Russ.)

Kloss B. M. *O date smerti Maksima Greka* [On the Date of Death of Maximus the Greek]. *Russia and Christian East*. Moscow, 2015, p. 136–139. (in Russ.)

Knizhnye tsentry Drevney Rusi [Book-learning Centers of Ancient Rus]. Kirill-Belozersk Monastery. St. Petersburg, 2008, 496 p. (in Russ.)

Mathauzerova S. *Dve teorii teksta v russkoi literaure XVII v.* [Two Text Theories in Russian Literature of XVIIc.]. *TODRL*. Leningrad, 1976, vol. 31, p. 271–284. (in Russ.)

Poslaniya Iosifa Volockogo [The Messages of Josef Volockiy]. Prep. by A. A. Zimin, Ya. S. Lur'ye. Moscow, Leningrad, 1959, 390 p. (in Russ.)

Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniya [Saint Maximus the Greek. The Essays]. Moscow, 2008, vol. 1, 568 p. (in Russ.)

Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniya [Saint Maximus the Greek. The Essays]. Resp. ed. N. V. Sinitsyna. Moscow, 2014, vol. 2, 432 p. (in Russ.)

Shevchenko I. *Chetyre mira i dve zagadki Maksima Greka* [Four Worlds and Two Puzzles of Maximus the Greek]. *Seas and Shores. To the 60th Anniversary of Sergey Pavlovich Karpov*. Moscow, 2009, p. 477–488. (in Russ.)

Sinitsyna N. V. *Giperborrets iz Ellady, ili Odisseyaya Maksima Greka* [The Hyperborean from Hellas, Or Maximus the Greek's Odyssey]. *Prometheus*, 1990, vol. 16, p. 214–236. (in Russ.)

Sinitsyna N. V. *Maksim Grek* [Maximus the Greek]. Moscow, 2008a, 235 p. (in Russ.)

Sinitsyna N. V. *Obrushivalsya li prep. Maksim Grek v Moskve na ital'yanskiy gumanizm?* [Was Maximus the Greek Attacking the Italian Humanism in Moscow?]. *Collection Dedicated to Memory of L. V. Cherepnin*. Moscow, 2008b, p. 15–34. (in Russ.)

Sinitsyna N. V. *Proekt izdaniya sochineniy Maksima Greka* [The Project of Editorial of Maximus the Greek's Essays]. *Cyrrilomethodianum XVII–XVIII*. Thessalonique, 1993–1994, p. 93–141. (in Russ.)

Usachev A. S. *Kogda zakonchilas' «volokolamskaya gegemoniya» v Russloy Tserkvi XVI v.?* [When Did the «Volokolamsk Hegemony» Come to an End in Russian Church of XVI century?]. *Historical Notes*. Moscow, 2011, p. 151–169. (in Russ.)

Usachev A. S. Pochemu zakonchilas' «volokolamskaya gegemoniya» v Russloy Tserkvi XVI v.? [Why Did the «Volokolamsk Hegemony» Come to an End in Russian Church of XVI century?]. *Russian History*, 2017, no. 5, p. 97–113. (in Russ.)

Zhurova L. I. Avtorskiy tekst Maksima Greka: rukopisnaya i literaturnaya traditsii [Maximus the Greek's Author's Text: Manuscript and Literary Tradition]. In 2 parts. Novosibirsk, 2008, part 1, 495 p.; 2011, part 2, 302 p. (in Russ.)

For citation:

Zhurova L. I. «The One Who Was Helladic Today Becomes a Hyperborean...» To the 500th Anniversary of the Arrival of Maximus The Greek to Russia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 6: Journalism, p. 7–14. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-6-7-14